

В.В. КАНАФЬЕВА, П.Н. ДЕМЧЕНКО

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАРОДНОЙ И ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ В МАСЛЕНИЦЕ

Данная статья посвящена анализу календарной обрядности славян, в частности Масленицы. Рассматриваются точки соприкосновения народной и христианской традиции в этом празднике, поскольку современные исследователи в большинстве своём не затрагивают аспекта их общности. Сравнение разных европейских традиций, анализ семантики и символики обрядов позволяют говорить о том, что Масленица - особый праздник, в котором можно проследить черты и элементы народной и христианской традиций.

Ключевые слова: *праздник Масленица, онтология, символ, обряд, христианская традиция, народная традиция, семантика и символика Масленицы*

Канафьева Виктория Владимировна - профессор кафедры медиакоммуникационных технологий, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. E-mail: *viktoriya-kanafyeva@yandex.ru*

Демченко Полина Николаевна - доцент кафедры журналистики, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. E-mail: *polina-alex@mail.ru*

V.V. KANAFYEVA, P.N. DEMCHENKO

THE RELATIONSHIP OF FOLK AND CHRISTIAN TRADITIONS IN MASLENITSA

This article analyzes the calendar rites of the Slavs, and Maslenitsa in particular. We study the points of contact between folk and Christian tradition in this holiday, as the majority of modern scholars do not consider the aspect of their commonality. Comparison of different European traditions, the analysis of semantics and symbolism of the rites suggest that Maslenitsa is a special holiday, in which you can trace the features and elements of folk and Christian traditions.

Keywords: *holiday Maslenitsa, ontology, symbol, ritual, Christian tradition, folk tradition, symbols and semantics of Maslenitsa*

Victory V. Kanafyeva - professor at the Department of Mediacommunication Technologies, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television. E-mail: *viktoriya-kanafyeva@yandex.ru*

Polina N. Demchenko - assistant professor at the Department of Journalism, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television. E-mail: *polina-alex@mail.ru*

В данной статье рассмотрим взаимосвязь народной и церковной традиции в отношении Масленицы с позиции «конкретной метафизики» русского православного философа П.А. Флоренского, нашедшей своё дальнейшее развитие в идеях русской философии символизма.

Хотя народный календарь в большей мере является календарём церковным и основная масса праздников и терминов, их обозначающих, связана с религиозными верованиями, евангельскими сюжетами, практикой православного обряда, житиями православных святых, Масленица в этом смысле - праздник особый, имеющий менее всего собственно церковных знаков, начиная от терминологии и кончая обрядовыми компонентами.

В «Полном православном богословском энциклопедическом словаре» Масленица трактуется лишь с точки зрения предписываемой еды: это «неделя мясопустная пред Великим постом, в течение которой

запрещено вкушать мясо, но разрешено сыр, масло и рыбу» [6]. Православные календари отмечают также *Вселенскую родительскую (мясопустную) субботу, Неделю мясопустную, Седмицу сырную (масленицу) - сплошную*, то есть с освобождением от поста в среду и пятницу, а не *пеструю*, с постами по средам и пятницам, как это бывает обычно в другие недели, *Неделю сыропустную. Прощёное воскресенье* - заговенье на Великий пост. Более ничего на масленичный период церковь не регламентирует.

Вместе с тем трактовка времени, общей атмосферы масленичной недели, библейские сюжеты, которые легли в основу богослужения и проповедей (в частности, сюжет о грехопадении человека), говорят о том, что церковная традиция в случае с Масленицей в определённой степени вписалась в русский народный календарь с его природно-мировоззренческой основой и отчасти испытала на себе влияние архаической народной традиции,

хотя иногда осуждала и запрещала практику народных ритуалов.

Так, например, Калужские епархиальные ведомости писали, что «православная церковь в эту неделю вспоминает то, что вовсе не возбуждает и не может вызывать в человеке радостных чувств, ни радостных действий, какими издавна сопровождалась и сопровождается наша народная Масленица. В эту неделю церковь вспоминает и изображает грехопадение наших прародителей в раю и отсюда произошедшие дурные последствия как в нашей духовной и телесной природе, так и в земной жизни нашей с очевидностью для всех, полной скорбей, невзгод и различного рода бедствий. И если бы кто захотел заглянуть в храм Божий во время службы этой недели, то он увидел бы, что церковное богослужение, например, в среду и пятницу, походит более на великопостное покаянное, навещающее на саморазмышление и грусть, чем на радостное, призывающее к духовному рождеству; в упомянутые дни уже не совершается полной литургии, служащей и способствующей к выражению и возбуждению духовной радости христианина, а отправляются великопостные часы, с земными поклонами, при чтении покаянной и умиленной молитвы св. Ефрема Сирина» [5].

Обращает на себя внимание, что церковь отталкивается от народной традиции празднования по всем параметрам. Вместо обилия пищи и обжорства вводятся ограничения на мясную пищу (частичный пост, ср.: «В наших церковных книгах названия масленицы даже и нет, а неделя, соответствующая масленице, называется сырною седмицею или мясопустом. Святые Отцы и учителя церкви положили с этой недели начинать пост, только пост не такой строгий, как обычно, а запретили, например, вкушать мясо, а со среды положили начать постовские поклоны. Таким образом, эта неделя уже никак не праздник, а скорее приготовление к посту, преддверие поста, и праздником её никто из Святых Отцов никогда не называл» [4, с. 266]; вместо ухаживаний, эротического поведения, *целовальника* или славения молодожёнов осуждаются (и изображаются грехом) отношения полов, с ними связываются все дальнейшие бедствия физического и духовного характера (своего рода предписание полового воздержания); вместо буйной радости и веселья, катания и движения покаяния и молитва, размышление и грусть. Нет и следа взаимного встречного движения народной и православной традиций, наблюдаемой, например, в рождественском или юрьевском цикле, участия священников в «народных» (дохристиан-

ских) обычаях и обрядах типа колядования или обхода полей, стада и под.

И всё же в Масленице находим точки соприкосновения народной и церковной традиций. Это поминание умерших. Если католическая церковь запретила вообще все поминания, объявив для этой цели лишь один общий для всех срок - 1-2 ноября (День Всех Святых и Всех Верных Душ) - и запретила носить в храмы и на кладбища, а также класть на могилы еду и питьё для душ, то православная церковь оказалась более терпимой, лояльной, гибкой. «Церковь православная совершает в субботу мясопустную, предшествующую масленице, заупокойную службу, вспоминая всех от века усопших отцов и братьев наших по вере, и допускает приношения в церковь в память об усопших в виде блинов и лепёшек с мёдом и кутьей. У них поминовение усопших в то время вызывалось тем их верованием, что близящееся к ним солнце - по их понятию божество жизни и добра - оживотворяя видимую природу, прежде всего, возбуждает от сна к жизни души умерших, которые снова вступают в близкие, хотя и невидимые отношения и общение с людьми, тогда как прежде, зимою, они находились в состоянии оцепенения, повергшись в долгий сон и прекратив потому всякое общение с людьми живыми. Освободившись от оцепенения, они ждут свидания со своими живыми родственниками и друзьями. Последние и собирались на могилах, принося блины» [5]. Так священник, исполняя свой пастырский долг, объясняет прихожанам, почему поминание умерших приходится именно на это время, демонстрируя тем самым своё понимание вещей и свою принадлежность к данному сообществу. И это было чрезвычайно важно для служителя православной конфессии - влиться, вжиться, а не воевать, не разрушать, не запрещать; в этом, кажется, и заключается секрет успеха и жизнеспособности православия, русского в особенности.

Более того, он ищет аллюзии этого праздника в библейской истории, пытаясь аккумулировать его и принять в свою «епархию», он как бы «оправдывает» празднество, ссылаясь на мировую культуру: «Слышал я, будто эту самую масленицу справляют все христиане, как у нас в России, так и за границею, и праздник этот установлен исстари напомнить людям об их прошлом блаженстве в раю... Эти масленские гулянья, пожалуй, напоминают о беззаботной жизни первых людей, но только дело в том, что установлено-то это празднество не святой церковью, а язычниками-римлянами, это тем самым народом, к которому писал своё послание апостол Па-

вел. У римлян, правда, были особые празднества, похожие на нашу масленицу, которые назывались Сатурналиями» [4, с. 267].

И всё же Церковь, мудрая и терпимая, решительно отстраняется от этого праздника: «Святая церковь на VI Вселенском соборе определила извергать из священного сана или отлучать от общения тех из христиан, которые справляли языческие празднества наподобие нашей масленицы» [4, с. 269].

Разбор семантики и символики Масленицы с позиции философии онтологии и отношение к этому празднику официальной церкви свидетельствуют об одном и том же: Масленица является древнейшим празднеством. Об этом же говорит и сравнительный материал других европейских традиций [3].

Современные исследователи календарной обрядности славян в большинстве своём не затрагивают аспекта общности церковной и народной традиции, полагая, что вопрос о языческих корнях народных календарных праздников уже окончательно решён. Однако работы профессора В.Г. Руделева не без основания позволяют по-иному посмотреть на устоявшиеся в науке положения о первоначальном язычестве славян и о языческом характере народных обрядов [7, 8, 10]. Противопоставив догмату о славянском язычестве теорию изначально-христианства у славян, профессор В.Г. Руделев выводит народные праздники из древних народнохристианских обрядов, бытовавших задолго до X века. Так, Масленицу исследователь связывает с праздником Успения Пресвятой Богородицы Марии, который в настоящее время происходит в православном мире с 14 по 23 августа, но первоначально совершался 18 января; всеобщее празднование Успения Пресвятой Богородицы 15 августа было установлено при императоре Маврикии с 582 года [6, т. 1, с. 131-134; т. 2, с. 2206].

Профессор В.Г. Руделев доказал, что слово *Масленица* паронимично слову с солярым значением (древнему облику слова *солнце*). Затем, опираясь на факты из истории православного христианства (периода борьбы с арианством и несторианством, иконоборчества), этнографии, языка, он делает вывод, что «в празднике проводов Масленицы, в атрибутах этого праздника и во всех названиях, с ним связанных, проглядываются (шифруются) более древние (православные) обряды и термины, паронимически связанные с теми, которые сохранены ныне как единственные реалии упомянутого праздника» [9, с. 54].

Достаточно вспомнить, что в канун Пасхи (в Страстную субботу, которая

предшествовала первому дню Пасхи) в католических странах отмечался праздник огня. В этот праздник существовала традиция гасить в церквях все огни. Затем их зажигали снова при помощи кремня и стали или увеличительного стекла. От этого огня в дальнейшем зажигалась большая пасхальная свеча; все остальные свечи в церквях зажигались потом от неё.

В Германии принято зажигать освещённый костёр от «нового огня», который делается на открытом месте около церкви. К нему приносят ветки дуба, бука и орешника. Эти ветки обжигают на костре, а потом уносят к себе домой, чтобы сжечь их дома, молясь о предохранении усадьбы от всевозможных пожаров, молнии и града. Таким образом, каждый дом получал «новый огонь». Зачастую ветки сохраняли в течение всего года, чтобы во время сильных гроз их сжечь в очаге для защиты дома от удара молнии. Ветки могли оставлять на крышах, уносить в сады, поля и т.п. Подобные действия носили ритуальный характер, направленный на предотвращение несчастий и неурожая. Д.Д. Фрезер проводит аналогию пепла пасхального костра с пеплом освящённой вербы [11, с. 414-415].

Интересным является обряд, распространённый у жителей Верхней Франконии сжигать в пасхальную субботу соломенное чучело, которое они называют Иудой. Жители деревни приносили хворост для этого костра, а обуглившись на этом костре ветки сохраняли, чтобы закопать их в полях первого мая в день святой Вальпургии для предохранения урожая от насекомых-паразитов.

Д.Д. Фрезер утверждает, что в Альттеннеберге (в Верхней Баварии) более ста лет назад существовал обычай, согласно которому «в полдень в пасхальную субботу парни собирали хворост и складывали его в поле, в середине кучи они устанавливали высокий деревянный крест, обмотанный соломой. После вечерней службы они зажигали от освященной церковной свечи свои фонари и, стараясь перегнать друг друга, мчались с ними к костру. Прибежавший первым человек разжигал костёр. Ни одна женщина или девушка не должна была приближаться к костру, но им разрешалось наблюдать его с некоторого расстояния. Когда пламя разгоралось, мужчины и парни предавались безудержному веселью, выкрикивая слова: «Мы сжигаем Пуду!». Тот, кто первым достигал костра и зажигал его, в первый день Пасхи получал награду: у ворот церкви женщины давали ему крашенные яйца» [11, с. 416]. Суть этого обряда, по мнению Д.Д. Фрезера, сводилась к предотвращению града.

В деревнях Верхней Баварии существует другой обряд, называемый «сожжением пасхального человека». Он совершался между девятью и десятью часами вечера в пасхальную субботу. Согласно обряду, молодёжь устанавливала на возвышенности высокий обмотанный соломой крест, напоминающий собой человека с распростёртыми руками - пасхального человека. Для участия в обряде допускались парни, достигшие восемнадцати лет - не моложе. «Рядом с пасхальным человеком, держа в руке освящённую тонкую свечку, которую он приносил из церкви, располагался один из молодых людей. Остальные обступали крест, образуя круг. По первому сигналу они трижды пробежали по кругу; когда же давался второй сигнал, они бросались прямо к кресту и к парню с зажжённой свечой. Тот, кто первым достигал цели, имел право поджечь пасхального человека» [11, с. 416]. Сожжение пасхального человека сопровождалось всеобщей радостью. После того, как пламя угасало, среди парней выбирали троих. Эти ребята палкой трижды очерчивали вокруг пепелища круг на земле, после чего все удалялись. «В пасхальный понедельник жители собирали пепел и разбрасывали его по полям: кроме того, они закапывали в полях ветки вербы, освящённые в Вербное воскресенье, и обуглившись палки, освящённые в Страстную пятницу. Всё это делалось с целью защиты полей от града. В некоторых частях Швабии пасхальные костры нельзя было зажигать при помощи железа, стали или кремня. Зажигали их исключительно трением деревянных брусков» [11, с. 416]. Мы же считаем, что в этой церемонии можно проследить переживание опыта инициации, а именно принесение Иисусом Христом себя в жертву во имя человечества.

С точки зрения нашего подхода, освещающего феномен масленицы через исследование традиционных тем и вопросов метафизики и онтологии (бытие, символ, имя, знак, число, время и т.д.) и для изучения использующего эвристический потенциал идеи принципиальной несводимости друг к другу языка-символа и языка-знака, комплексное изучение феномена масленицы в его взаимосвязи с культовой деятельностью, мифологией и христианством позволило показать имя и число как принципы различных онтологий (традиции имени и традиции числа соответственно) [1].

Таким образом, в масленичном комплексе можно проследить в качестве общей идеи народной и христианской традиций идею преображения своей греховной сущности человеком как следствие пребывания в традиции числа через опыт инициации «второ-

го рождения» - духовного рождения, переживание через актуализацию памяти онтологической нормы бытия - бытия-символа. В масленичной обрядности проявляется неутолимая онтологическая жажда, страх перед хаосом, окружающим мир человека, который аналогичен страху перед небытием. Это объединяет народную традицию с христианской, поскольку участники праздника Масленицы, так же как и религиозный человек, получают возможность найти Космос в изначальном его сотворении через познание священного времени (вечности) и пространства.

Резюмируя вышесказанное, можно предположить, что в календарной обрядности заложен не сельскохозяйственный цикл, а «сакральное знание о глубинных символических соответствиях между природной и духовной сторонами бытия» [2, с. 175], раскрывающееся в акте преображения бытия-кентавра через момент инициации - взаимоперехода от горного к дольному, от ветхого к новому, опыт переживания смерти и её умаление, возвышение и поправление. Следовательно, Масленица - это победная фаза Света над Тьмой, качественно ущербной реальностью, в которой пребывает человек.

Список литературы

1. Демченко П.Н. Масленичный комплекс: философско-онтологические аспекты. - СПб.: СПбГИКиТ, 2015. - 166 с.
2. Дугин А.Г. Метафизика благой вести (православный эзотеризм) / А.Г. Дугин. - М.: Арктогея, 1996. - 264 с.
3. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX - начало XX вв.: в 4 т. Т. 2: Весенние праздники. - М.: Наука, 1977. - 357 с.
4. Милованов М. Масленица. Рассказ из сельского быта / М. Милованов // Тамбовские епархиальные ведомости. - Тамбов, 1900. - № 8. - С. 239-249; № 9. - С. 263-272.
5. Молочковский Н. Русская масленица в её христианском, историческом и бытовом виде и смысле / Н. Молочковский // Калужские епархиальные ведомости. Прибавление. - 1893. - № 2. - С. 47-61.
6. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Репр. изд. - М., 1992. - 3584 с.
7. Руделев В.Г. Воспоминания о Чёрной земле: История слов, имён, народов / В.Г. Руделев. - Тамбов, 1994. - 136 с.
8. Руделев В.Г. Золотой корень: Необыкновенные истории русских слов / В.Г. Руделев. - Тамбов, 1992. - 58 с.
9. Руделев В.Г. Прощай, Масленица... / В.Г. Руделев // Вестник Тамбовского университета. - Тамбов, 1999. - Вып. 3. - С. 48-54.
10. Руделев В.Г. Чёрные христиане / В.Г. Руделев // Этнография и фольклор Рязанского края (Первые Лебедевские чтения). - Рязань, 1996. - С. 84-86.
11. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь / Д.Д. Фрезер. - М.: Политиздат, 1980. - 831 с.